

■ ■ ■ Концепции П. Бурдьё, Ж. Лакана и Р. Познера как основания для понимания механизмов современных информационных войн

Кужелева-Саган И.П.

Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация.

Аннотация. Цель статьи – выявление объяснительного потенциала некоторых философских и социогуманитарных концепций в понимании механизмов современных информационных войн в рамках знаково-символического и культурно-семиотического подходов. В частности, речь идет о концепциях «символического насилия» П. Бурдьё, «бессознательного» и «дивида» Ж. Лакана и «культурной экспансии» Р. Познера. Попутной задачей является уточнение авторской позиции относительно определения понятия «информационные войны», а также классификации и специфики сегодняшних инфовойн. Основным методом исследования является дискурсивный анализ соответствующих философских и социально-гуманитарных научных текстов и проецирование результатов этого анализа на современную информационно-коммуникативную практику.

Ключевые слова: информационные войны, знаково-символический подход, культурно-семиотический подход, символическое насилие, бессознательное, символическая сеть / матрица, дивид, культурная экспансия

Для цитирования: Кужелева-Саган И.П. Концепции П. Бурдьё, Ж. Лакана и Р. Познера как основания для понимания механизмов современных информационных войн // Коммуникология. 2023. Том 11. № 3. С. 42-62. DOI 10.21453/2311-3065-2023-11-3-42-62.

Сведения об авторе: Кужелева-Саган Ирина Петровна – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой социальных коммуникаций, руководитель лаборатории гуманитарных новомедийных технологий Томского государственного университета. Адрес: 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36. E-mail: ipsagan@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5560-4018.

Статья поступила в редакцию: 29.08.2023. *Принята к печати:* 18.09.2023.

Введение. Многоаспектность, эволюционирующий и перманентный характер современных информационных войн побуждают изучать их на более глубоком, чем когда-либо, уровне. Привлечения для этого только прикладных теорий и концепций недостаточно. Для понимания природы и скрытых механизмов сегодняшних информационных войн необходимо шагнуть за границы «традиционной» коммуникативистики, представленной концепциями Г. Лассуэлла, П. Лазарсфельда, К. Шеннона и др., в более широкое предметно-дисциплинарное поле и погрузиться в недра фундаментального философского и социально-гуманитарного научного знания.

Такие попытки предпринимались и раньше, но чаще всего они реализовывались в рамках военно-исторического или политологического знания; либо были

связаны с анализом тех относительно немногих концепций и теорий, изначально ориентированных на информационные войны как главный объект философской и социально-гуманитарной научной рефлексии. Например, уже достаточно хорошо изучена и представлена в научном дискурсе концепция информационной войны французского философа Ж. Бодрийяра, основанная на его же теории симулякров и симуляции [Бодрийяр 2015] и описанная им в трёх эссе, объединённых названием «Войны в Заливе не было» (1991) [Бодрийяр 2016]. Главный вывод Бодрийяра: всё, что производится СМИ во время информационной войны, не является отражением реальным событий, но есть их *симуляция*. Этот вывод остаётся актуальным и в наше время. Тем не менее, только теорией симулякров Бодрийяра невозможно эксплицировать всё, что происходит сегодня на полях информационных сражений, с точки зрения философии и социально-гуманитарного знания.

Данная проблема в последние годы постепенно начинает привлекать внимание исследователей. Так, в частности, статья А.П. Алексеева и И.Ю. Алексеевой в журнале «Вопросы философии» (2016) описывает онтологию информационной войны, опираясь на язык философии сложности [Алексеев, Алексеева]. Одним из результатов кандидатской диссертации В.В. Кафтана (2019) стал краткий обзорный анализ ряда философских и социо-гуманитарных научных теорий и концепций (в частности, Э. Кассирера, У. Эко, К. Юнга, Э. Гидденса, Б. Латура, М. Фуко, В. Стёпина и др.) применительно к некоторым аспектам эволюции и технологий инфовойны [Кафтан]. В статье С.И. Чудинова (2021) говорится о методологических возможностях концепций «текучей современности» З. Баумана [Бауман] и «глобального общества риска» У. Бека [Бек], а также теории «информационального общества» М. Кастельса [Кастельс] при анализе феномена информационной гражданской войны сапатистов¹ [Чудинов]. Тем не менее, пока остаётся без ответа вопрос, насколько эти концепции применимы в более широком предметном поле, связанном с информационными войнами.

Особенностью нашего подхода к современным инфовойнам, представленного в данной статье, является обращение к теориям и концепциям из сферы социальной философии, психологии и культурной семиотики, которые ранее в отношении данной проблематики почти или совсем не рассматривались, и которые могли бы способствовать дальнейшему пониманию механизмов таких войн как знаково-символических и культурно-семиотических феноменов. В частности, речь идёт о концепциях: *символического насилия* французского социального философа и социолога Пьера Бурдьё [Бурдьё]; *бессознательного и «дивидов»* французского философа и психоаналитика Жака Лакана [Лакан 1995, 2006]; *культурной экспансии* немецкого философа-лингвиста и семиотика Роланда Познера [Posner]. Соответственно, главная цель статьи – выявление их

¹ Представители леворадикального движения в южном мексиканском штате Чьяпас в 1990-х гг.

объяснительных потенциалов в отношении причин, характера и механизмов современных инфовойн. Выбор именно этих авторских теоретических систем обусловлен тем, что несмотря на их принадлежность к разным областям фило-софского и социально-гуманитарного научного знания, все они, в той или иной степени, исходят из классической *теории знаков и знаковых систем* (Э. Кассирер, Ч. С. Пирс, Ю. Лотман), что создаёт основу для их взаимодополнения в рамках эксплицирования *информационных войн как знаково-символических и культурно-семиотических систем*. Сопутствующей задачей является уточнение авторской позиции относительно определения понятия «информационные войны», а также классификации и специфики сегодняшних инфовойн. Основным методом исследования является дискурсивный анализ соответствующих фило-софских и социально-гуманитарных научных текстов, а также проецирование результатов этого анализа на современную информационно-коммуникативную практику.

Современные информационные войны: краткий генезис и определение понятия

Информационные войны ведутся народами и государствами с древних времён для ослабления моральных сил противника и достижения определённых целей без сражений на реальном поле боя. При этом всегда главным объектом информационного воздействия являлась человеческая психика, а точнее, три её составляющие: чувства, сознание и воля. Аристотель ещё в IV в. до н. э. сказал о том, что «есть три силы души, главные для поступка и для истины: чувство, ум и стремление» [Аристотель: 173]. Военные стратеги Античности, Средневековья, Нового и Новейшего времени использовали самые разнообразные способы информационного воздействия, постоянно их совершенствуя. В результате этого изначально интуитивные находки, позволяющие управлять умонастроениями и устремлениями масс людей, становились многократно отработанными информационно-коммуникативными технологиями, высокая эффективность которых была очевидна.

Несмотря на давность существования самого феномена, понятие «информационные войны» возникло только в последней четверти XX века. До этого использовался термин «психологические войны», подчёркивающий *воздействующий* характер подобных явлений, наиболее полно представленных в основополагающем труде американского политолога и психолога Пола Лайнбарджера «Психологическая война: теория и практика обработки массового сознания», впервые изданном в 1948 году [Linebarger]. В процессе осмысления наступавшего информационного общества, «анонсированного» целым рядом ученых и фило-софов в 1960-1970-х гг. (Т. Умесао, М. Маклюэн, Ю. Хаяши и др.), информационный аспект начал превалировать в понимании того, *что и как* воздействует более всего на массовое сознание гражданского населения и военнослужащих своего и другого государства. Стало очевидным, что это – определённым образом

подготовленная информация и, соответственно, каналы её доставки – средства массовой информации (СМИ). Именно такой подход к трактовке интересующего нас понятия более всего актуален и в настоящее время.

Одним из первых новое понятие «информационная война» (Information Warfare) использовал американский физик Томас Рона в докладе «Системы вооружения и информационная война» [Рона], подготовленном им для компании «Боинг» в 1976 году. Его соотечественник Мартин Либики, математик и экономист, в свою очередь, был одним из пионеров в определении этого понятия и разработке теоретических оснований инфовойн. В своей книге «Что такое информационная война?» (1995) он отождествил информационную войну с информационными взаимодействиями, включающими как защиту и опровержение, так и манипулирование и искажение информации [Libicki]. Нам такое тождество представляется весьма спорным, поскольку информационное взаимодействие – это, несомненно, более широкое понятие, относящееся к процессам, происходящим и в мирное время, т. е. при отсутствии явных конфликтов военно-политического характера. Наши учёные вносят свой интеллектуальный вклад в формирование научного знания об информационных войнах. Так уже в 1999 году была опубликована книга С.П. Расторгуева «Информационная война» [Расторгуев], до сих пор входящая в ряд наиболее полных и квалифицированных исследований по соответствующей проблематике. Её особенность в том, что в ней, как и в своих более поздних книгах, автор попытался охарактеризовать такое явление, как инфовоина, не только с позиции военно-технического специалиста по информационной безопасности, но и социального философа.

С тех пор прошло уже немало времени, но при всём интересе исследователей к информационной войне как предмету изучения, концептуальная проработка данного понятия отнюдь не завершена. В этом заключается определённая методологическая трудность, поскольку существует целый ряд относительно близких по смыслу понятий: «информационное противоборство», «идеологическая диверсия», «воинствующая пропаганда», «политическая манипуляция». Отчасти следует согласиться с Г.Л. Тульчинским, полагающим, что «информационные войны – в отличие от односторонних информационных атак, действий типа пропаганды, манипуляции и слухов – есть форма конфликта, в котором должны быть акторы – противоборствующие стороны, преследующие определенные цели. И эти цели, как желаемые результаты, должны быть сопоставимы с результатами конфликта, включая определение победителя» [Тульчинский: 251]. В определении М.В. Белякова эти цели сформулированы более конкретно: «Информационная война предполагает взаимонаправленные активные массового характера информационные действия всех вовлеченных сторон с целью нанесения максимально возможного урона другой стороне, максимально полная ее дискредитация в глазах мировой общественности» [Беляков: 595].

Но дело не только в обязательном наличии противодействующих сторон и целей, преследуемых ими, но и в высокой степени остроты и продолжительности

такой формы конфликта, как информационная война. Этим она, с нашей точки зрения, отличается, например, от информационного противостояния, острота и интенсивность которого может меняться в разные периоды в зависимости от политической ситуации; или от идеологической диверсии, осуществляемой разово. Кроме того, на наш взгляд, информационная война – это форма конфликта, в которой может применяться самый широкий спектр существующих на данный момент инструментов и способов управления массовым сознанием, направленный на безусловное доминирование в информационном коммуникативном пространстве. Включая, конечно же, манипуляцию и пропаганду – самые старые, но всегда эффективные, способы воздействия при условии, что их используют профессионалы своего дела. Но появляются и совершенно новые методы, что связано с общей технологизацией, компьютеризацией и цифровизацией. Так, например, с наступлением цифрового общества в начале XXI века появилась возможность не только парировать информационные атаки противника, но и уничтожать его цифровые следы. При этом стратегическая цель инфовойны – «внесение изменений в когнитивную структуру, чтобы получить соответствующие изменения в поведенческой структуре» [Почепцов: 20] – со временем не меняется, хотя и может быть разделена на тактические цели-задачи.

Проблема классификации информационных войн

Вопрос о классификации информационных войн до сих пор остаётся открытым в научном дискурсе из-за различных критериев, которые могут быть положены в её основание. Среди таковых: период возникновения, доминирующие каналы и технологии воздействия, основной объект воздействия, характер воздействия, основные управленческие технологии, масштаб, длительность, конкретное целеполагание, симметричность/асимметричность, наступательный или оборонительный характер, предмет конфликта, нахождение источника воздействия и т.д. Поскольку существуют разные точки зрения относительно того, как понятие «информационная война» соотносится с такими понятиями, как «холодная война», «когнитивная война», «консциентальная война» и т.п., то это также является препятствием для разработки единой классификации инфовойн. К настоящему времени этот проблемный аспект уже достаточно подробно освещён в целом ряде публикаций (например, статье Н.Р. Красовской и А.А. Гуляева «К вопросу классификации информационных войн» [Красовская, Гуляев], монографии О.Е. Вороновой «Современные информационные войны и технологии» [Воронова], кандидатской диссертации Д.В. Биндаса [Биндас] и др.), поэтому мы ограничимся только изложением собственной позиции в отношении него. Одним из самых рациональных представляется подход, в соответствии с которым понятие «информационная война» рассматривается как максимально широкая, т. е. «зонтичная» номинация по отношению ко всем другим видам *бесконтактных* войн, поскольку с какими бы целями, по каким бы каналам и в каких-либо форматах они ни осуществлялись, все они, так или иначе, используют информацию.

Что касается классификации, то наиболее релевантной для нашего исследования является та, в основе которой лежит «поколенческий» принцип. Но не классификации войн «вообще» как, например, в книге В.И. Слипченко [Слипченко], делящего все войны, включая контактные, на шесть поколений с отнесением инфовойн к последнему из них, а непосредственно и только информационных войн. В нашем случае каждое поколение инфовойн, начиная с европейской эры книгопечатания, условно соотносится с доминирующими в определённый исторический период *медиа*, что обусловлено известной концепцией канадского теоретика Маршалла Маклюэна: «Медиа есть сообщение» (*Media is the message*) [Маклюэн]. Соответственно, до недавнего времени можно было говорить, минимум, о четырёх поколениях инфовойн. Первое поколение (середина XV – конец XIX вв.) связано с *печатными СМИ* и печатной пропагандой, обращённой к простой публике в формате лубка, памфлета или плаката, а к более просвещённой и образованной – в формате газеты и журнала. Второе поколение инфовойн относится к эпохе *радио* и радиопропаганды (конец XIX – середина XX вв.), когда радио было почти в каждом доме, обеспечивая заочный эффект «присутствия на площади» и формирование коллективных общностей, мотивированных к реальным действиям. Третье поколение – к эпохе телевидения (середина XX – конец XX вв.), начавшего *атомизацию* целевых аудиторий и создававшего у них эффект реального «присутствия на месте событий» и потому уже не требовавших от телезрителей никаких реальных действий. Достаточно было их молчаливого согласия с основной повесткой дня. Именно телевизионные инфовойны заставили общественность думать, что «войны в Заливе не было» и побудили Ж. Бодрийера к написанию его знаменитых эссе (см. выше). Четвертое поколение инфовойн относится к эпохе массового использования *интернета* (начало «нулевых» – конец 2-й декады XXI века), продолжившего атомизацию общественности, подорвавшего авторитет и монополию официальных СМИ и создавшего иллюзию правдивости информации от лидеров общественного мнения: независимых СМИ, популярных блогеров и инициативных пользователей соцсетей, регулярно обновляющих свои аккаунты. Однако именно социальные сети и стали основным пространством стратегических коммуникаций и *меметических войн* – информационных войн, ведущихся посредством мемов, отражающих глубинные архетипы и стереотипы целевой общественности [Кужелева-Саган].

То, что происходит сейчас, вероятно, уже можно назвать информационной войной пятого поколения. Как показывает практика, доминирующими медиа в ней являются *мессенджеры*. Прежде всего, это – Телеграм, намного опережающий официальные СМИ в скорости отражения происходящих событий и передачи информации; количестве подписчиков. Мессенджеры окончательно атомизировали целевую общественность: потребление информации стало полностью индивидуальным и не требующим от рядового пользователя реальных активных действий. Ему уже достаточно виртуальной реальности, в которой он теперь проявляет свою «пассионарность» посредством лайков и эмоциональных

комментариев. Создавая иллюзию личного потребления информации возможностью создания собственной подборки каналов, Телеграм позволяет противостоящим сторонам охватывать огромные аудитории, поскольку одни и те же «новости» «гуляют» одновременно по множеству каналов, беспрестанно рассылающих сообщения. Таким образом пользователи становятся зависимыми от напоминаний мессенджеров и их алгоритмов, на которые они никак не могут повлиять. Проблема усугубляется и тем, что поступающую лавиной информацию, практически, невозможно верифицировать на предмет правды и лжи.

Российский исследователь и публицист Сергей Переслегин в одном из своих подкастов (2023) отмечает, что мир не сразу заметил две революции, произошедшие в области инфовойн в 2020 году, в период начала пандемии, а точнее «инфодемии». Одна революция связана с явлением *постправды*; вторая – с *тотальностью* сегодняшних информационных войн. По его словам, «правда – это то, в чём журналист уверен, хотя он может при этом и ошибаться. Ложь – это когда журналист знает, что он врёт. Постправда – это когда ложь нежелательна, а правда недопустима. Это то, что находится “перпендикулярно” настоящей лжи и настоящей правде, и потому в принципе не верифицируемо»¹. Тотальность же современной инфовойны проявляется в том, что количество информационных поводов теперь не пять-семь, как было всегда, или, тем более, один, как во время пандемии, а миллионы. Абсолютно любое высказывание может стать инфоповодом. Человек не способен пропустить через себя все эти инфоповоды и как-то на них реагировать. Но с того момента, как нейросеть научилась систематизировать информацию и делать материалы на заданные темы с заданными словами, эта работа (создание инфоповодов и реакция на них) стала автоматизированной. Теперь количество информации определяется не способностью людей писать, а *тактовой частотой* современного процессора. А она уже очень велика. И это то новое, с чем раньше мир не сталкивался. Новым является и то, что информационная война идёт в режиме онлайн параллельно с «горячей» войной, и впервые события в медиапространстве становятся важнее реальных событий, происходящих на фронте². К этому можно добавить только то, что впервые в таком масштабе, как сейчас, в инфовойне применяются беспилотные летательные аппараты (БПЛА) или дроны, выполняющие функции живых военных фотокорреспондентов и видеооператоров, обеспечивающих не только фотографирование и видеосъёмку с недоступных для человека позиций, но и стриминг – потоковое видео в режиме реального времени.

Таким образом, по мере эволюции инфовойн, каналы доставки информации всё более усложнялись и совершенствовались с технической точки зрения, создавая у аудитории ощущение доступности правдивой информации и управле-

¹ Переслегин С. Тотальная информационная война [эл. ресурс]: https://www.youtube.com/watch?v=pMoJEN_5wZl&t=267s (дата обращения: 09.08.2023).

² Там же.

ния собственным информационно-коммуникативным пространством, сама же информация упрощалась и «упаковывалась» во всё более лаконичные, яркие и привлекательные внешне визуальные формы с помощью соответствующих знаков и символов.

Информационная война как война культурных и знаково-символических систем

Знаково-символическую сущность социальной реальности манифестировали в своих работах многие философы: Э. Кассирер, Р. Барт, Ж. Бодрийяр, У. Эко, Ю. Лотман и др. Отсюда и социальная коммуникация, и информационные войны, как и все другие неотъемлемые атрибуты социальной реальности, априори имеют знаково-символический характер.

Уточним, что в контексте данной статьи *знак* понимается как абстрактный или материальный объект, репрезентирующий в человеческом сознании другой объект или явление. И нет ничего совершеннее для передачи любой информации, чем знак. В классическом структурализме (Ф. де Соссюр, К. Леви-Стросс и др.) знак понимается ещё и как единство *означаемого* (содержания, смысла знака, воспринимаемого сознанием) и *означающего* (формы знака, воспринимаемой органами слуха или зрения). *Знаковые системы* – это совокупности знаков, объединённых определёнными *кодами*. Коды, в том числе конвенциональные (то есть установленные по соглашению), не только связывают определенные знаки в одну систему, но и означающее и означаемое в каждом из них. Система конвенциональных кодов, разделяемых членами общества, составляет духовную культуру этого общества. Коды контролируют социальное поведение его членов. Не зная кодов, невозможно «прочитать» и понять знак, а также невозможно повлиять на социальное поведение. В широком смысле знаки принято отождествлять с символами (знак = символ). Соответственно, понятие «символ» может трактоваться и в широком смысле, как знак, имеющий определенное значение (символ = знак), и в узком, как один из 3-х видов знака (по Ч. Пирсу) или как означающее (у Ф. де Соссюра). Символы бывают историческими, религиозными, национальными, нравственными и др. Однако символы функционируют в обществе не только как знаки, несущие информацию, но и как «мотиваторы» к действиям. Ещё важнее, что символы, как знаки, имеющие особый смысл, схватываются сразу на бессознательном уровне. То есть мозгу не нужно тратить энергию сначала на восприятие формы знака, и только потом на то, с каким смыслом эта форма соотносится. Антрополог-структуралист К. Леви-Стросс считал, что именно символы содержательно отражают структуру культуры во всём многообразии её элементов [Леви-Стросс].

В рамках нашей темы, у символов есть ещё один важный статус. Если считать «семиотической доминантой» цифровой информационной войны *fake news* [Беляков, Максименко], то тогда её базовыми элементами являются именно символы, из которых строятся не только *fake news*, но и другие сообщения, цель

которых так или иначе повлиять на сознание и поведение определенной аудитории. Это не могут быть случайные символы из других культур, но только те, которые являются культурными архетипами и стереотипами социальных групп как объектов информационной войны. Любые другие символы могут быть проигнорированы или неверно интерпретированы. Возникает вопрос: какая часть общества может быть «скорректирована» в процессе информационной войны посредством соответствующей символизации? Американский ученый-лингвист Ноам Хомский считает, что это не менее 20% всего населения, составляющих его самую образованную когорту. То есть тратить усилия политтехнологов следует на корректировку паттернов поведения именно интеллектуалов, поскольку их мышление в силу образованности более самостоятельное и критичное. Остальные 80% будут копировать их поведение, поэтому для большинства простых людей достаточно обычной пропаганды в СМИ¹. Ливано-американский исследователь и писатель Нассим Талеб придерживается противоположного мнения: «Интеллектуалы намного охотнее верят СМИ, чем простые работяги, и у них быстрее проявляется “эффект CNN”: (...) “Мы не побеждаем, пока CNN не сообщает о том, что мы побеждаем” (американский генерал Дж. Шаликашвили)»².

Таким образом, знаково-символическая парадигма инфовойн, а также политики международных отношений в целом, начинает рассматриваться как *доминирующая*. Такой подход позволил Д.Г. Смирнову в 2019 году прийти к гипотезе о «новом – собственно семиотическом – витке холодной войны»³, одним из проявлений которого стало «открытие семиотических границ» СССР в результате начавшейся во второй половине 1980-х гг. геополитической политики перестройки. Артефакты культуры превратились в «товар, на который в изголодавшемся советском обществе, оказался колоссальный спрос. Мода (аналог голода) “усыпила” инстинкт интеллектуального самосохранения, позволив распространиться парадигме “американской мечты” со всеми ее индивидуалистическими и рыночными коннотациями под лозунгом “только бизнес – ничего личного”» [Смирнов: 77].

С позиции сегодняшнего дня, когда мы являемся свидетелями и невольными участниками информационных войн уже пятого поколения, тезис о доминировании их знаково-символической парадигмы представляется отнюдь не гипотезой,

¹ Хомский Н. Образование: кому и зачем? / Лекция [эл. ресурс]: <https://www.youtube.com/watch?v=oj9VqXtg1cg> (дата обращения: 09.08.2023).

² Цит. по: Носырев И. Патология нашего времени – потеря контакта с реальностью. Интервью с Нассимом Талебом // РБК, №198 (2695), 17.11.2017 [режим доступа]: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/11/17/5a0c361d9a7947003e4aff7c> (дата обращения: 09.08.2023).

³ По сути, «холодная война» – это информационная война третьего поколения в соответствии с приведенной классификацией инфовойн.

а утверждением, которое вряд ли может стать причиной серьёзной дискуссии¹. Однако дискуссионным, на наш взгляд, является мнение о том, что «информационная война – это прежде всего вербальная война» [Синельникова: 96], если речь идёт об инфовойнах четвертого и пятого поколений.

Действительно, очень долгое время информационные войны проявляли себя как войны языковых знаков и дискурсов. Иными словами, при том, что в инфовойнах всегда использовались знаки разных семиотических систем, явно доминировавшей среди них была система естественного языка в силу того, что «Слово – это знак особого рода. В нем, как правило, нет ничего, что бы напоминало о конкретных свойствах обозначаемой вещи, явления, в силу чего оно и может выступать в роли знака – представителя целого класса сходных предметов, т. е. в роли знака понятия» [Кораблёва: 4]. Но, начиная с инфовойн четвертого поколения, когда благодаря новым технологиям объёмы и скорость передачи информации стали огромными, за первенство с естественным языком стали конкурировать другие знаковые системы, на декодировку которых требовалось значительно меньше времени. Главным образом, это пиктографические и другие системы, где в качестве знаков выступали уже не буквы и слова, а изображения (рисунки, фотографии, видео, коллажи). При этом сам естественный язык всё больше терял свою естественность, упрощаясь и маргинализируясь до немыслимых ранее границ. В то же время язык идеограмм и смайликов – эмодзи – развивался, обогащался и, наряду с другими *изобразительными* знаково-символическими системами, стал одной из отличительных особенностей коммуникации в мессенджерах. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть комментарии пользователей на любом канале Телеграм на предмет соотношения в них, с одной стороны, языковых; с другой, пиктографических, идеографических и фото- и видеографических знаков.

Поскольку именно мессенджеры являются доминирующими медиа в инфовойнах пятого поколения, противодействующие в них акторы вынуждены уделять особое значение подбору и конструированию изобразительных и языковых знаков и символов, используемых в информационных атаках и оборонительных информационных действиях. От того, насколько правильно подобран или сконструирован символ, зависит конечная декодировка целевой общественностью смыс-

¹ Во время острой фазы информационной войны даже повседневный дискурс приобретает знаково-символический характер. Так, например, весной 2022г., судя по социальным сетям, во многих российских семьях проходили споры о том, какие цвета – синий или красный – будут доминировать в оформлении Красной площади 9 мая. Китаевед Андрей Девятов объяснял, что синий был всегда «цветом либералов». Если его будет много в День Победы, значит, «либералы ещё у власти». См. с 18-й минуты: <https://devyatov.su/articles/251-nebopolitika/101735-jetot-den-pobedy>. Но, поскольку 9 мая синий был только цветом коврового покрытия на трибуне (т. е. «под ногами»), то это было воспринято единомышленниками Девятова как знак «скорого низвержения либералов в структурах госвласти».

ла сообщения. Здесь нет мелочей. Это можно сравнить с тем, насколько точность попадания снаряда в цель и степень её разрушения зависит от правильности выбора калибра снаряда, градуса и дальности наведения оружия.¹

Всё чаще конструирование такого семиотического «оружия», выбор его «калибра» и «наведение на цель» поручается соответствующим компьютерным программам/ботам и искусственному интеллекту (ИИ) в формате технологий chat-GPT и deep fakes. Данные технологии генерируют языковые (chat-GPT) и визуальные (deep fakes) контенты манипулятивного характера, используемые в социальных сетях и мессенджерах, которые сложно верифицировать в силу разных причин. Например, из-за сверхвысоких скоростей информационных потоков, при которых нет времени на проверку информации; неразвитости или полного отсутствия у целевой общественности критического мышления; высокого качества знаково-символических конструктов, опирающихся на культурные архетипы и стереотипы данной конкретной аудитории и т.д. Практика современных инфовойн показывает, что наиболее эффективными знаково-символическими конструктами являются *мемы* – самовоспроизводящиеся информационные структуры (репликаторы), в качестве которых могут выступать идеи, нарративы, выражения, модные слова и мелодии, заключенные в языковые, изобразительные и аудиальные знаково-символические формы. Мемы обладают свойством вирусности – высокой скоростью «перехода из одного мозга в другой», а также психологической привлекательностью, поскольку связаны с глубинными экзистенциальными смыслами и проблемами людей [Докинз].

Таким образом, в самом общем виде *современные информационные войны с позиций знаково-символического и культурно-семиотического подходов представляют собой комплексы действий акторов, как людей, так и не-людей, представляющих противоборствующие стороны, по подбору и конструированию с помощью новейших технологий и соответствующих культурных кодов тех визуальных и языковых знаков и символов, которые могут изменить мировоззренческие установки и поведенческие реакции целевых общественностей; а также по их оперативной (в идеале – «вирусной») доставке до массового сознания противника.*

¹ По нашему мнению, примером неточного конструирования визуального символа является российский мем 2022 года «Бабушка со знаменем, попирающая дракона» наподобие Георгия Победоносца, изображенного на гербе Москвы. Неточность заключается в том, что в меме дракон был без крыльев, что не соответствует славянской и западноевропейской мифологиям, в которых Дракон (или Змей Горыныч), как символ Зла, всегда изображался с крыльями. Но зато бескрылый дракон соответствует китайской мифологии, в которой он самый почитаемый персонаж и символизирует, чаще всего, силу Добра. Летать он может без крыльев за счет своей магической силы. Наш собственный опыт показал, что китайские студенты реагировали на этот мем очень настороженно. Возникает вопрос: насколько был уместен данный символический конструкт в информационном поле в ситуации, когда Россия ожидала от Китая реальной поддержки в условиях жёстких экономических санкций?

Концепции П. Бурдьё, Ж. Лакана и Р. Познера как основания для понимания механизмов знаково-символического и культурно-семиотического характера информационных войн

Итак, мы исходим из того, что правильно подобранные или сконструированные символы – самое эффективное средство воздействия, поскольку оно носит скрытый, а не явный характер, т. к. символы апеллируют не к сознанию, а к бессознательному. Бессознательное – совокупность психических процессов и явлений, не входящих в сферу сознания субъекта, то есть в отношении которых отсутствует контроль сознания. С этой точки зрения, особый интерес представляют теория символического насилия Пьера Бурдьё и теория бессознательно-го Жака Лакана.

Понятие «символическое насилие» было введено **П. Бурдьё** в научный и философский дискурс ещё в 1970-х годах, когда, так называемый, лингвистический поворот,¹ «переопределивший» в XX веке понятие языка и его роль для общества и человека, был в самом центре внимания многих философов и учёных-гуманитариев. Это объясняет интерес Бурдьё к проявлению властных отношений именно в языке. Иными словами, язык, с точки зрения Бурдьё, – это не только средство общения, но и средство насилия и господства, что предъявляет особые требования к лингвистической компетенции индивида, претендующего на властный статус в системе социальных отношений. У индивидов, не обладающих этой компетенцией в должной мере, по сути, есть только три выбора. Первый – не признавать легитимность господствующего языка и его норм и поэтому сразу вступить в конфликт с теми, кто его признаёт. Второй – попытаться соответствовать языковым нормам, но этого всегда недостаточно, поскольку лингвистическая компетенция включает ещё грамматику и дикцию, а также характеристики, образующие социальную личность индивида. Третий – просто молчать, исключив себя из коммуникации в данной области (профессиональной или иной).

Отсюда очевидно, что если целевая аудитория в условиях информационной войны не способна понять «язык врага», точнее, язык его *слов*, то она, соответственно, и не попадает под его влияние. Формальный перевод, устный или письменный, мало меняет эту ситуацию. Особенно в том случае, если целевая аудитория воспринимает информацию только на слух, не имея возможности «читать» язык мимики и жестов говорящего или видеть изображения, сопровождающие текст, что так же влияет на декодировку устных и печатных посланий. Поэтому сегодня акторы-технологи, пытаясь достичь внимания и понимания иноязычных и инокультурных целевых аудиторий, делают ставки, прежде всего, на визуальные каналы доставки своих сообщений, сконструированных с помощью

¹ Лингвистический поворот связан с именами Р. Карнапа, К. Гёделя, М. Шлика, Х.-Г. Гадамера, Р. Рорти, Дж. Остина и др.

тщательно подобранных изобразительных знаков и символов, отводя языковым знакам и символам «второй план».

Концепция символического насилия Бурдьё отражена в его *аксиомах*. Одна из них гласит: «Всякая власть символического насилия – т.е. всякая власть, которой удаётся навязать свои значения и заставить признать их легитимными, скрывая силовые отношения, лежащие в её основании, добавляет свою собственную, т.е. чисто символическую, силу к этим силовым отношениям» [Бурдьё 2007: 22]. Бурдьё подчеркивает, что само по себе символическое насилие, отличаясь обыденностью, «незаметностью» и «недискурсивностью», осуществляется как бы само собой, не лишая людей их социального статуса согласно каким-либо формальным правилам и законам. В своих различных видах оно пронизывает буквально все сферы деятельности общества и повседневную жизнь каждого конкретного человека. В частности, согласно Бурдьё, «всякое педагогическое воздействие объективно является символическим насилием, поскольку с помощью произвольной власти навязывается культурный произвол» [Бурдьё 2007: 23], выражающий объективные интересы доминирующих классов и групп. Таким же символическим насилием является и авторское воздействие на читателей, ораторское – на слушателей, изобразительно-художественное на зрителей и т.д.

Концепция символического насилия П. Бурдьё в контексте проблематики данной статьи говорит о том, что военная доктрина, опирающаяся только на силу оружия и численность армии, априори малоэффективна. Знаки и символы обладают большей силой и властью, нежели самое совершенное оружие. Разработанная в эпоху лингвистического поворота, эта концепция актуализируется в эпоху семиотического поворота с его фокусировкой на знаках и символах не только языкового характера. Особое значение она приобретает тогда, когда акторы противодействующей стороны действуют «под прикрытием», не желая своей идентификации со стороны целевой аудитории. Их послания маскируются под самые различные формы обыденного или даже научного знания. Например, они могут быть представлены в виде яркой и лаконичной инфографики, якобы, отражающей общественное мнение по тому или иному значимому вопросу.

Органичным дополнением к аксиомам Бурдьё представляются концепция бессознательного **Ж. Лакана** и его психоаналитическая интерпретация символов, также возникшие в рамках лингвистического поворота. В известной степени эти разработки основываются на теории бессознательного З. Фрейда, а также идеях К. Леви-Стросса и М. Фуко о бессознательных структурах разума, посредством которых происходит дефрагментация ощущений и образов при восприятии человеком реальности. Лакану оказывается близкой их мысль о дискретности бессознательного, предстающего в его работах *структурированной сетью символических отношений*, обеспечивающей проекцию мира в сознании индивида и оказывающей непосредственное влияние на его земную и неземную

судьбу: «Символы и в самом деле опутывают жизнь человека густой сетью: это они еще прежде его появления в мире сочетают тех, от кого суждено ему произойти “по плоти”»; это они уже к рождению его приносят, вместе с дарами звезд, а то и с дарами фей, очертания его будущей судьбы; это они дают слова, которые сделают из него исповедника или отступника и определяют закон действий, которые будут преследовать его даже там, где его еще нет, вплоть до жизни за гробом...» [Лакан 1995: 49].

Однако в отличие от Леви-Стросса, опиравшегося на традиции классического структурализма в понимании знака/символа как неразрывной связи *означающего с означаемым*, Лакан видит связь между *самими означающими*. В его представлении на определённом этапе развития человеческой психики происходит «отрыв» знака от действительности, инициирующий взаимодействие *означающих*, которое, в свою очередь, порождает бесконечную цепочку знаков, не несущих определённого смысла, но определяющих характер восприятия человеком окружающего его мира. На эту идею Лакана натолкнули «пустые» речевые потоки пациентов-невротиков, в которых означающее оторвано от означаемого. При этом возникает как бы «сеть» или «матрица» связанных между собой символов, наложенная на реальность. Получается, что язык называет не вещь, а её значение или знак: «Язык – это не совокупность почек и ростков, выбрасываемых каждой вещью. Слово – не головка спаржи, торчащая из вещи. Язык – это сеть, покрывающая совокупность вещей, действительность в целом. Он вписывает реальность в план символического» [цит. по Маньковская: 88]. Символы могут даже заменять собой недостающие фрагменты реальности. К такому выводу Лакан пришёл в результате наблюдения за формированием речи у маленьких детей, восполняющих отсутствие объекта его называнием. Это символическое означивание отсутствующего объекта указывает на символизацию как важнейшую функцию языка и речи. Кроме того, символизация обеспечивает «постоянство» и «длительность» мира: «Символ объекта – это как раз наличный объект и есть. Когда же налицо его больше нет – это объект, воплощенный в своей длительности и запечатляющий что-то постоянное и “застывшее” в культуре» [Лакан 2006: 52].

Процесс символизации, как и сон, протекает бессознательно. В этом утверждении Лакан является последователем Фрейда, трактовавшего сны как исполнения бессознательных желаний. Но в отличие от классического фрейдизма он проецирует «законы сновидений» и на время бодрствования: человек видит сны не только во сне. На этом основании уже последователи самого Лакана (например, К. Метц) трактовали художественный процесс (по сути, один из видов символизации) как «сон наяву». Бессознательные желания, пульсирующие и во сне, и наяву, сближают сон и явь. Однако, согласно Лакану, есть сны, не подчиняющиеся теории Фрейда о сновидениях. Это кошмары, которые не могут быть «образами желаний» [Мелёхин: 99], но, вероятно, являются мнестическими следами

травматических событий в жизни субъектов этих сновидений. Важно, что Лакан, обосновывая идею текстуализации как сознания, так и бессознательного, полагал, что любые сновидения (во сне и наяву, кошмары и не кошмары) структурированы как тексты: «сон уже есть текст»¹.

Лакану принадлежит и ещё одна примечательная идея, возникшая в итоге деконструкции им классической модели знака как неразрывной связи означающего и означаемого. Это констатация деконструкции личности, которая была затем от-рефлексирована многими философами: «Современное общество – это не только общество индивидов как целостных неразделимых субъектов, но и “дивидов” – «фрагментарных, лишенных целостности людей Новейшего времени» [Ильин: 77], испытывающих состояние «после оргии» (Ж. Бодрийяр). То есть состояния бессмысленного и не способного быть удовлетворенным желанием, на почве которого и развиваются патологии современного общества: преступность, наркомания, алкоголизм, самоубийства. Оно развивается в результате нарушения смысловых структур, связывающих человека с реальностью, обществом и его культурой. Но, согласно Лакану, индивид может стать «дивидом» и по собственной воле из-за своего неуёмного стремления занять принципиально недоступную для него властную позицию².

Опираясь на обозначенные концепции Лакана, можно сделать сразу несколько выводов: 1) символическое, как нечто «застывшее в культуре», может заметить субъекту реальное, даже находясь в полном разрыве с этим реальным, и обеспечить ему «постоянство» и «длительность» окружающего его мира; 2) не только языковые, но и визуальные символы-образы «снов наяву», создаваемых актёрами-технологами в процессе информационной войны, можно и нужно структурировать как тексты; 3) целями современных информационных войн, осуществляемых западными технологами, является превращение противоборствующих им обществ в «общества дивидов» – фрагментарных личностей с различными патологиями, не связанных общей культурой.

¹ Примером такого «сна наяву», сна-кошмара, является, с нашей точки зрения, украинский вирусный видеоролик под условным названием «Украинка с серпом», в котором девушка в венке, символизирующая Украину, произносит пафосную речь с угрозами в адрес россиян и перерезает серпом горло мужчине в тельняшке, стоящему перед ней на коленях. Английские субтитры и постановка казни в стиле ИГИЛ (запрещённой в РФ организации) говорят о том, что целевой общественностью ролика являются не только россияне, для которых такая символика не является архетипичной, но весь «цивилизованный» мир: англосаксонский и мусульманский. Представляется, что этот сон-«текст» можно структурировать только посредством знаменитого высказывания испанского художника Франсиско Гойи: «Сон разума рождает чудовищ».

² Здесь невольно хочется расширить рамки субъектности и предположить, что и целое государство из-за своего неуёмного стремления занять принципиально недоступную для него властную позицию в мире или какой-то его части, н - р, Евросоюза, может стать «дивидным» государством с патологической – неофашистской – идеологией.

Свой вариант ответа на вопрос о механизмах информационной войны, превращающей индивидов в «дивиды», на наш взгляд, может дать и теория культуры немецкого семиотика **Р. Познера**, созданная в традициях Э. Кассирера [Кассирер] и Ю. Лотмана [Лотман] и давшая семиотике новый вектор развития. Благодаря ей были выделены и описаны различные типы семиозисов (индикация, сигнификация и коммуникация), пользователей знаков (адресантов, адресатов, сторонних наблюдателей); кодов (врожденных, искусственно обусловленных, конвенциональных) и их функции в культуре. Теория культуры Познера дала начало изучению культурного изменения как результата динамики в системе специальных культурных кодов и исследованию взаимодействия между культурами как принятия «внекультурных» кодов и мировоззрений.

Как только общество обнаруживает новый для себя сегмент мира, принадлежавший до этого к экстра-культурной реальности (т. е. неосвоенной, неизвестной), оно преобразует его в *контркультурную* реальность с помощью элементарного кода. Так новый сегмент идентифицируется и «привязывается» к уже известным сегментам. В итоге происходит постепенное расширение реальности посредством создания конвенциональных кодов или её *семиотизация* (означивание). Обратный процесс – десемiotизация – обусловлен разрушением конвенциональных кодов [Posner: 75-76]. Ярлыки, которыми данная культура штампует свою контркультуру, служат не только для обозначения соответствующих мировых сегментов, но также и для определения их отношения к идеям и ценностям, характеризующим саму эту культуру. Соотношение между культурой и её контркультурой амбивалентно. Каждая культура имеет тенденцию либо устранить, либо интегрировать свои контркультуры, стремясь при этом сохранить свою идентичность [Posner: 76-77].

Теория культуры Р. Познера включает целый ряд интересных концепций, в числе которых и концепция «культурного загрязнения» или «культурной экспансии». Она описывает процесс, при котором предварительно хорошо освоенный и семиотизированный мировой сегмент находится либо под влиянием вторжения более престижных, но недостаточно освоенных новых кодов, накладывающихся на старые, изначальные; либо пытается влиять сам подобным образом на другие мировые сегменты. В этой ситуации, ни старые, ни новые знаки не могут быть использованы для структурирования соответствующей реальности. Означаемые старых кодов больше не принимаются всерьез, а означаемые новых кодов еще не поняты. Присутствие означающих старых кодов, не получающих соответствующего толкования, только увеличивает культурную дезориентацию. Общество сталкивается с хаосом, возникающим в границах собственной культуры. Хаос обеспечивает вечный водоворот культуры и контркультуры. Когда эти процессы происходят на периферии культуры, то общество озабочено либо маргинализацией и, в конечном счете, изгнанием чужих кодов из своей культуры; либо новой семиотизацией того или иного мирового сегмента в соответствии

с моделями центральных кодов своей культуры¹. Если процесс загрязнения или заражения происходит в центральной области культуры посредством новых кодов из другой культуры, то это дает начало другой культуре с заменой аутентичных кодов на коды соответствующего общества [Posner: 77-78].

Очевидно, что такое «культурное заражение» может происходить не только «само по себе», но и реализовываться как специальная технология с целью смысловой и поведенческой дезориентации членов того или иного общества, т. е. превращения их из индивидов в «дивидов». Если же целью является *ориентация* людей на совершенно определенные паттерны мышления и поведения, то механизм технологии тот же: новые знаки/символы и коды устанавливаются в контексте старых. Отличия будут только в значениях этих новых установлений. Главное условие – это чтобы новые знаки/символы и коды были более привлекательными для целевых аудиторий, чем старые, тогда возникнет борьба за чувство принадлежности к новой – неявно насаждаемой – культуре посредством «символического насилия» (П. Бурдьё) и наложения на реальность «символической сети/матрицы» (Ж. Лакан). Представляется, что в отношении стран нашего ближнего зарубежья западные «генералы и рядовые» информационной войны уже многие годы успешно применяли самые разные технологии как смысловой и поведенческой ориентации, так и дезориентации, в результате чего в некоторых из этих стран, в частности, на Украине, и был разрушен, так называемый, «русский мир».

Заключение

Таким образом, мы видим, что концепции П. Бурдьё, Ж. Лакана и Р. Познера обладают большим объяснительным потенциалом в отношении механизмов современных информационных войн с позиций *знаково-символического* и *культурно-семиотического* подходов и позволяют увидеть в процессах, происходящих в информационно-коммуникативном пространстве, новые смыслы и применение технологий, которые сложно было бы распознать в других концептуальных рамках.

Источники

Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. (2016). Информационная война в информационном обществе // Вопросы философии. № 11. С. 5-14.

Аристотель (1983). Никомахова этика [Текст] / Аристотель. Соч. в 4-х т. Т.4. М.: Изд-во Мысль.

Бауман З. (2008). Текущая современность / пер. с англ., под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер.

¹ Именно такая «новая семиотизация» и произошла тогда, когда россияне, не дождавшись от Министерства обороны РФ внятного объяснения относительно означаемых латинских символов “Z” и “V”, изображённых на отечественной военной технике, начали сами конструировать эти означаемые. В результате возникло множество версий означаемых, включая конспирологические. Запоздалое объяснение Минобороны РФ о том, что символ “Z” означает «За Победу» или «Задача будет выполнена», а символ “V” означает «Сила V в правде», показалась многим малоубедительным.

- Бек У. (2000). Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция.
- Беляков М.В., Максименко О.И. (2017). «Fake news» в эпоху информационных войн // Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований. Материалы XI международной научно-практической конференции. НИЦ «Академический». С. 153-155.
- Биндас Д.В. (2023). Философская парадигма информационной войны и обеспечение медиабезопасности. Дисс. канд. филос. н., специальность 5.7.8. Философская антропология, философия культуры. Москва.
- Бодрийяр Ж. (2015). Симулякры и симуляция / перевод А. Качалов. М.: Постум.
- Бодрийяр Ж. (2016). Дух терроризма. Войны в Заливе не было / пер. с фр. А. Качалова. М.: Рипол-Классик.
- Бурдые П. (2005). О символической власти / пер. с фр.: Н.А. Шматко // Социология социального пространства. Сборник статей. М.: Центр гуманитарных технологий.
- Бурдые П. (2007). Воспроизводство: элементы теории системы образования / П. Бурдые, Ж.-К. Пассрон; пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Просвещение.
- Докинз Р. (1989). Эгоистичный ген. М.: Corpus (АСТ).
- Ильин И.П. (1998). Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада.
- Кассирер Э. (2002). Философия символических форм. Том 3. Феноменология познания. М., СПб.: Университетская книга.
- Кастельс М. (2000). Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана; Гос. ун-т. Высшая шк. Экономики. М.: ГУ ВШЭ.
- Кафтан В.В. (2019). Социогуманитарные технологии современной информационной войны: специфика, тенденции развития и направления оптимизации. Дисс. канд. филос. н., специальность 09.00.11. Социальная философия. Москва.
- Кораблева Е.В. (2013). Смысловые парадигмы современной знаково-символической реальности // *Философия науки и техники*. № 4. С. 91-99.
- Красовская Н.Р., Гуляев А.А. (2019). К вопросу о классификации информационных войн // *Социология науки и технологий*. Т.10. С. 44-55.
- Кужелева-Саган И.П. (2022). Социальные сети как пространство реализации стратегических коммуникаций и ведения меметических войн // *Коммуникология*. Том 10. № 1. С. 65-79.
- Лакан Ж. (1995). Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис.
- Лакан Ж. (2006). Символическое, Воображаемое и Реальное // *Имена Отца*. М.: Гнозис, Логос.
- Леви-Стросс К. (2001). Структурная антропология / пер. с фр.: В.В. Иванов. М.: ЭКСМО-Пресс.
- Лотман Ю.М. (1970). Статьи по типологии культуры. Материалы к курсу теории литературы. Вып. 1. Тарту: Тартуский государственный университет. С. 1-3.
- Маклюэн М. (2003). Понимание медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М.: Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле.
- Маньковская Н.Б. (2000). Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя.
- Мелёхин А.И. (2002). Лакановский взгляд на интерпретацию сновидений // *Журнал клинического и прикладного психоанализа*. Т. 3. № 2. С. 95-107.
- Почепцов Г.Г. (2001). Информационные войны. М.: Рефл-бук.
- Расторгуев С.П. (1999). Информационная война. М.: Радио и связь.
- Синельникова Л.Н. (2014). Информационная война ad infinitum: украинский вектор // *Политическая лингвистика*. № 2 (48). С. 95-101.
- Слипченко В.И. (2002). Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: Вече.

Смирнов Д.Г. (2019). Культура когнитивной безопасности: семиодинамика образа в символической политике // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. № 4 (19). С. 73-82.

Тульчинский Г.Л. (2012). Информационные войны как конфликт интерпретаций, активизирующих «Третьего» // Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / Отв. ред. О.Ю. Малинова. М.: ИНИОН РАН (Сер. Политология). С. 251-262.

Чудинов С.И. (2011). Методологические аспекты рассмотрения феномена информационных гражданских войн в курсах социально-гуманитарных дисциплин (на примере движения сапатистов) // Профессиональное образование в современном мире. Вып. 11 (1). С. 94-104.

Libicki M.C. (1995). What is Information Warfare? Washington: National defense university.

Linebarger P. (1954). Psychological Warfare: International Propaganda and Communications, 1948, 2nd ed. Duell, Sloan and Pearce.

Posner R. (2004). Basic Tasks of Cultural Semiotics. In: G. Withalm and J. Wallmannsberger (eds.), Signs of Power – Power of Signs. Essays in Honor of Jeff Bernard. Vienna: INST. P. 56-89.

Rona T.P. (1976). Weapon Systems and Information War. Seattle, WA: Boeing Aerospace Co. [el. source]: https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/FOID/Reading%20Room/Science_and_Technology/09-F-0070-Weapon-Systems-and-Information-War.pdf (access mode: 09.09.2023).

■ ■ ■ Pierre Bourdieu's, Jacques Lacan's and Roland Posner's Concepts as the Basis for Explaining the Mechanisms of Information Warfare

Kuzheleva-Sagan I.P.

Tomsk State University, Tomsk, Russia.

Abstract. This paper focuses on identifying the explanatory potential of certain philosophical and socio-humanitarian concepts in explaining the mechanisms of modern information warfare within the framework of sign-symbolic and cultural-semiotic approaches. The paper represents the concepts of symbolic violence by Pierre Bourdieu, the unconscious and divided subject by Jacques Lacan and cultural expansion by Roland Posner. A related task is to clarify the author's position regarding the definition of the concept of information war as well as the classification and specifics of today's information war. The main research method is a discursive analysis of relevant philosophical and social-humanitarian scientific texts, as well as projecting the results of this analysis onto modern information and communication practice.

Keywords: information warfare, sign-symbolic approach, cultural-semiotic approach, symbolic violence, the unconscious, symbolic network / matrix, divided subject, cultural expansion

For citation: Kuzheleva-Sagan I.P. (2023). Pierre Bourdieu's, Jacques Lacan's and Roland Posner's concepts as the basis for explaining the mechanisms of information warfare. *Communicology (Russia)*. Vol. 11. No. 3. P. 42-62. DOI 10.21453/2311-3065-2023-11-3-42-62.

Inf. about the author: Kuzheleva-Sagan Irina Petrovna – DSc (Philos.), Head of the Department of Social Communication, Head of the Laboratory of New Media Technology, Tomsk State

University. Address: 634050, Russia, Tomsk, Lenin av., 36. E-mail: ipsagan@mail.ru.
ORCID: 0000-0002-5560-4018.

Received: 29.08.2023. Accepted: 18.09.2023.

References

- Alekseev A.P., Alekseeva I.Yu. (2016). Information war in the information society. *Questions of philosophy*. No. 11. P. 5-14 (in Rus.).
- Aristotle (1983). *Nicomachean Ethics [Text] / Aristotle*, in 4 vol. V. 4. M.: Mysl (in Rus.).
- Baudrillard J. (2015). *Simulacra and simulation / transl. A. Kachalov*. M.: Postum (in Rus.).
- Baudrillard J. (2016). *The spirit of terrorism. There was no war in the Gulf / transl. A. Kachalov*. M.: Ripol-Classic (in Rus.).
- Bauman Z. (2008). *Fluid modernity / transl., ed. Yu.V. Asochakov*. SPb.: Peter (in Rus.).
- Beck W. (2000). *Risk society: On the way to another modernity / transl. V. Sedelnik, N. Fedorova*. M.: Progress-Tradition (in Rus.).
- Belyakov M.V., Maksimenko O.I. (2017). Fake news in the era of information warfare. In: *Current directions of fundamental and applied research. Materials of the XI international scientific and practical conference. Scientific Research Center "Academicheskyy"*. P. 153-155 (in Rus.).
- Bindas D.V. (2023). *Philosophical paradigm of information warfare and ensuring media security*. Ph.D. thesis (Philos.). Moscow (in Rus.).
- Bourdieu P. (2005). *About symbolic power / transl. N.A. Shmatko*. M.: Center for Humanitarian Technologies (in Rus.).
- Bourdieu P. (2007). *La Reproduction. Elements pour une Theorie du Systeme D'Enseignement / P. Bourdieu, J.C. Passron; transl. N. A. Shmatko*. M.: Prosveschenie (in Rus.).
- Cassirer E. (2002). *Philosophy of symbolic forms. Vol. 3. Phenomenology of knowledge*. M., St. Petersburg: University Book (in Rus.).
- Castells M. (2000). *Information Age: Economy, Society and Culture / transl., ed. O.I. Shkaratan; Higher school Economics*. M.: Higher School of Economics (in Rus.).
- Chudinov S.I. (2011). Methodological aspects of considering the phenomenon of information civil wars in courses in social and humanitarian disciplines (using the example of the Zapatista movement). *Professional education in the modern world*. Vol. 11(1). P. 94-104 (in Rus.).
- Dawkins R. (1989). *Selfish gene (transl.)*. M.: Corpus (ACT) (in Rus.).
- Ilyin I.P. (1998). *Postmodernism from its origins to the end of the century: the evolution of a scientific myth*. M.: Intrada (in Rus.).
- Kaftan V.V. (2019). *Socio-humanitarian technologies of modern information warfare: specifics, development trends and optimization directions*. Ph.D. thesis (Philos.). Moscow (in Rus.).
- Korableva E.V. (2013). *Semantic paradigms of modern sign-symbolic reality. Philosophy of science and technology*. No. 4. P. 91-99 (in Rus.).
- Krasovskaya N.R., Gulyaev A.A. (2019). On the issue of classification of information wars. *Sociology of science and technology*. T.10. P. 44-55 (in Rus.).
- Kuzheleva-Sagan I.P. (2022). Social networks as a space for implementing strategic communications and waging memetic wars. *Communicology*. Vol. 10. No. 1. P. 65-79 (in Rus.).
- Lacan J. (1995). *Function and field of speech and language in psychoanalysis*. M.: Gnosis (in Rus.).
- Lacan J. (2006). *Symbolic, Imaginary and Real Father*. In: *On The Names of the Father (transl.)*. M.: Gnosis, Logos (in Rus.).
- Lévi-Strauss, K. (2001). *Structural anthropology / transl. V.V. Ivanov*. M.: EKSMO-Press (in Rus.).
- Libicki M.C. (1995). *What is Information Warfare?* Washington: National defense university.
- Linebarger P. (1954). *Psychological Warfare: International Propaganda and Communications, 1948*, 2nd ed. Duell, Sloan and Pearce.

- Lotman Yu.M. (1970). Articles on the typology of culture. Materials for the course on literary theory. Vol. 1. Tartu: Tartu State University. P. 1-3 (in Rus.).
- Mankovskaya N.B. (2000). Aesthetics of postmodernism. SPb.: Aletheia (in Rus.).
- McLuhan M. (2003). Understanding media: External extensions of man / transl. V. Nikolaeva. M.: Zhukovsky: KANON-press-C, Kuchkovo pole (in Rus.).
- Melekhin A.I. (2002). Lacan's view of dream interpretation. *Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis*. V. 3. No. 2. P. 95-107 (in Rus.).
- Pocheptsov G.G. (2001). Information wars. M.: Refl-book (in Rus.).
- Posner R. (2004). Basic Tasks of Cultural Semiotics. In: G. Withalm and J. Wallmannsberger (eds.), *Signs of Power – Power of Signs. Essays in Honor of Jeff Bernard*. Vienna: INST. P. 56-89.
- Rastorguev S.P. (1999). Information war. M.: Radio and communications (in Rus.).
- Rona T.P. (1976). *Weapon Systems and Information War*. Seattle, WA: Boeing Aerospace Co. [el. source]: https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/FOID/Reading%20Room/Science_and_Technology/09-F-0070-Weapon-Systems-and-Information-War.pdf (access mode: 09.09.2023).
- Sinelnikova L.N. (2014). Information war ad infinitum: Ukrainian vector. *Political linguistics*. No. 2 (48). P. 95-101 (in Rus.).
- Slipchenko V.I. (2002). Sixth generation wars. Weapons and military art of the future. M.: Veche (in Rus.).
- Smirnov D.G. (2019). Culture of cognitive security: semiodynamics of the image in symbolic politics. *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*. No. 4 (19). P. 73-82 (in Rus.).
- Tulchinsky G.L. (2012). Information wars as a conflict of interpretations that activate the "Third". In: *Symbolic Politics*. Vol. 1: Construction of ideas about the past as a power resource / ed. O.Yu. Malinova. M.: INION RAS (Ser. Political Science). P. 251-262 (in Rus.).